

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Анализ специальной литературы, судебной практики и особенно тематики научных исследований свидетельствует о том, что в условиях «разгула» преступности усилия юристов справедливо направлены на совершенствование методов расследования отдельных видов преступлений. Однако больших успехов на ниве борьбы с преступностью пока не достигнуто. Так, в 2007 году зарегистрировано 3 582,5 тыс. преступлений. В 2008 г. — 3 209,9 тыс. правонарушений, большая часть из которых была корыстной направленности. По данным разных источников, из всех зарегистрированных преступлений остаются нераскрытыми около 50 %. Кроме того, ежегодно выявляется более 100 тысяч криминальных фактов, укрытых от учета. Ущерб от всех преступлений колоссальный. Так, в процессе обмена мнениями депутатов Государственной Думы РФ (А. Волкова, Г.Г. Гудкова), руководящих работников таможенной службы, представителей МВД выяснилось, что около 600 миллиардов рублей «оседает» только у работников таможни; 3–5 миллионов долларов в день нелегально расходуется на подкуп соответствующих лиц (2006 г.) По официальным данным ГИАЦ МВД РФ, в 2008 г. выявлено 448,8 тысяч преступлений экономической направленности, материальный ущерб от которых составил 42,5 млрд. рублей¹. Это фрагментарные факты, но они свидетельствуют о том, что государственный бюджет с трудом выдерживает такую нагрузку, особенно в условиях финансового кризиса.

Из этого следует, что половине потерпевших от преступлений объективно невозможно возместить нанесенный преступлением ущерб, поскольку виновные в их совершении или не установлены, или не осуждены, да и ущерб от преступлений, причиненный государству, возмещается лишь частично. Кстати, заметим, что такая информация для СМИ, населения, да и юристов, занимающихся проблемами оптимизации уголовного судопроизводства, практически закрыта.

И здесь на повестке дня естественно возникает вопрос: а каков процессуальный статус потерпевшего по вопросам реализации своих законных прав? Как выглядит наша демократизация уголовного судопроизводства на фоне международных норм защиты прав потерпевшего?

* © Комиссаров В.И., 2010

Комиссаров Владимир Иванович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии Саратовской государственной академии права

Не анализируя все международные акты, рассмотрим лишь те, которые наиболее тесно связаны с нашей проблематикой.

10 декабря 1948 г. была принята Всеобщая декларация прав человека. Ее принципы нашли отражение во 2-й главе Конституции Российской Федерации, но вопросы защиты прав жертв преступления там не затрагивались. И только в 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. В ней четко зафиксировано — потерпевшие должны иметь право на доступ к правосудию и скорейшую компенсацию причиненного вреда. При этом отмечалось, что все государства — члены ООН обязаны содействовать тому, чтобы судебные и административные процедуры в большей степени отвечали потребностям жертв преступлений, разумеется, без ущерба для обвинения². Как нам думается, эта рекомендация напрямую имеет отношение к России как государству — члену ООН.

В 1985 г. Кабинет министров Совета Европы принял Рекомендацию К (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» В ней среди ряда рекомендаций, регулирующих отношения между государством, особо выделялась рекомендация членам Совета Европы пересмотреть их законодательство и практику по ряду направлений, которые необходимо предпринять в целях возмещения потерпевшему причиненного материального и морального вреда. Ему должно быть также предоставлено право просить о пересмотре решения суда об отказе от уголовного преследования. При этом этот отказ от уголовного преследования должен быть обусловлен компенсацией вреда, причиненного потерпевшему.

Если бегло и формально рассматривать нормативную базу по защите прав и законных интересов участников уголовного процесса, то эти и другие рекомендации международных организаций в России выполнены.

Так, в ст. 52 Конституции РФ зафиксировано: «Права потерпевшего от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Здесь же заметим, что в России финансирование компенсационных программ, фондов по компенсации жертвам преступления не создано и госбюджетом не предусматривается. Как видим, конституционное положение не реализуется — остается декларативным.

Одна из основных конституционных задач МВД России — «обеспечение в пределах своих полномочий защиты прав и свобод человека и гражданина» полностью не решена. Ибо, как отмечалось выше, около 50 % из всех зарегистрированных преступлений остаются не раскрытыми и более 100 тыс. криминальных фактов укрывается от учета. Положение ст. 6 УПК РФ, когда уголовное судопроизводство имеет своим назначением

«защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений», практически не реализуется. Да и Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 года № 119–ФЗ пока не может из-за должного финансирования, материального, организационного обеспечения этой программы коренным образом изменить сложившуюся в обществе ситуацию. Свидетели и потерпевшие, а порой раскисающиеся соучастники коррупционного (организованного) и других преступлений весьма неохотно идут на контакт с правоохранительными органами. Как видим, «изобилие» выделенных и других нормативных актов пока мало способствует эффективности форм и методов борьбы с преступностью. Сегодня в уголовном судопроизводстве в области защиты прав человека действует двойной стандарт — один в отношении подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а другой — в отношении потерпевшего.

Согласно ч. 3 ст. 42 УПК РФ, потерпевшему обеспечивается возмещение вреда, причиненного преступлением, а также расходов, понесенных в связи с его участием в ходе предварительного расследования и в суде, включая расходы на представителя, согласно требованиям ст. 131 УПК РФ. Это положение якобы полностью согласуется и международными нормами, и с конституционным принципом, а также с основными задачами УПК (п. 1 ч. 1 ст. 6). Однако, как показывает судебная практика, осужденные редко добровольно возмещают ущерб (принцип реституции). Тогда суд обязывает виновного возместить ущерб, причиненный в результате совершенного им преступления. И здесь, как справедливо пишет Е.М. Николаев, возникает тупиковая ситуация. «Большинство осужденных в местах лишения свободы не работают. Но даже если осужденный и работает, то его заработанные деньги распределяются не в интересах потерпевшего. Согласно УИК РФ, из заработка осужденного сначала удерживаются: 1) налоги в доход государства; 2) алименты на детей осужденного; 3) покрытие государству затрат на содержание самого осужденного. Кроме того, закон гарантирует осужденному (не потерпевшему. — В.К.) зачисление на его счет от 25 до 50 % заработка»³. Учитывая нынешнее материальное содержание заключенных, жертве преступления ничего не достается ни от государства, ни от осужденного.

Анализируя правовое положение потерпевшего (гражданского истца) в рамках УПК, можно выявить ряд противоречивых норм. Согласно п. 4 ч. 1 ст. 24, основанием отказа в возбуждении или прекращении уголовного дела является смерть подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. Все вроде бы правильно, а какова судьба потерпевшего, гражданского истца и их право на возмещение ущерба,

причиненного преступлением? Ибо в соответствии п. 2 ст. 44 УПК гражданский иск может быть предъявлен после возбуждения уголовного дела и до окончания судебного следствия при разбирательстве данного уголовного дела в суде первой инстанции.

Таким образом, нет уголовного дела, нет основания для признания потерпевшего гражданским истцом в уголовном судопроизводстве. В обвинительном заключении (ст. 220 УПК) и обвинительном акте (ст. 225 УПК) указываются лишь данные о потерпевшем (гражданском истце), о характере и размере вреда, причиненного ему преступлением. О каких-либо мерах, принятых следователем, по обеспечению возмещения вреда в законе не указывается. Поэтому согласно п. 5 ст. 228 УПК РФ судья по поступившему в суд уголовному делу устанавливает, «приняты ли меры по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, и возможной конфискации имущества». В то же время судья только по ходатайству потерпевшего, гражданского истца или их представителей либо прокурора вправе (а не должен. — *В.К.*) вынести постановление о принятии мер по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества (ст. 230 УПК).

На наш взгляд, нечеткость, а порой и противоречивость отдельных норм УПК РФ по защите, обеспечению прав потерпевшего стали поводом противоречивых суждений юристов. Так, С.А. Синенко замечает, что «нет правовых оснований для возложения на должностное лицо, ведущее расследование, функции доказывания по гражданскому иску, по которому, как правило, выступает потерпевший в качестве гражданского истца. Поэтому не случайно из изученных нами 234 уголовных дел в качестве гражданских истцов были признаны только 162 потерпевших, но доказательств в части суммы иска, причиненного вреда следователи не устанавливали, возлагая эти обязанности на потерпевших»⁴.

На наш взгляд, решение этого вопроса более четко и справедливо аргументировано Д.Г. Вдовиченко, В.В. Горским, З.Ф. Коврига, Н.Г. Муратовой, Т.В. Савкиной и другими известными юристами. Так, В.В. Горский, справедливо возражая С.А. Симоненко, пишет: «Закон содержит правовые основания для возложения на следователя бремени доказывания по вопросам, связанным с гражданским иском»⁵.

Интересной и малоисследованной проблемой является идея компенсации морального вреда, причиненного преступником. Сегодня эти вопросы решаются судом на уровне профессионального правосознания. А оно, как показывает судебная практика, весьма субъективно. На наш взгляд, следователь должен устанавливать не только материальный ущерб, но и моральный вред, причиненный потерпевшему. И для этого есть все основания и возможности.

Понятие «моральный вред» на общежитейском, нравственном и законодательном уровнях рассматривается как физические, нравственные, психологические и другие страдания, переживания, причиненные потерпевшему вследствие противоправных действий или бездействия правонарушителем. Судебно-экспертная практика свидетельствует, что кроме выявления индивидуальных психологических особенностей у истца (потерпевшего) на разрешение эксперта можно ставить вопрос об определении размера денежной компенсации за причиненные страдания⁶.

При этом эксперт-психолог, проведя количественный и качественный анализ представленных следователем (судом) данных, используя формулу, предложенную А.М. Эрделевским, может рассчитать возможный размер денежной компенсации за причиненные истцу страдания, возникшие в результате преступных действий (бездействия) виновным (ответчиком)⁷.

Разумеется, последнее слово за судом.

Изложенное свидетельствует, что проблемы участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве и периодичность обращения внимания на ее отдельные аспекты со стороны государства и юристов не позволяют вести комплексную, целенаправленную борьбу с нарушением прав жертв преступления. Среди факторов, противостоящих развитию идеи, можно выделить отсутствие единых основ методики розыска, ареста, изъятия и конфискации не только похищенного имущества, но и упущенной выгоды, что особенно важно в условиях рыночной экономики. При этом необходимо учитывать достижения науки, криминалистики и современные тенденции, происходящие в сфере изменения уголовно-правовых, уголовно-процессуальных отношений, с учетом требований международных стандартов.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Титова К.А. Методика расследования хищений в сфере жилищно-коммунального хозяйства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009. С. 4.

² Подробнее об этом см.: Вагизов Р.Г. Некоторые проблемы защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве // Координация деятельности правоохранительных органов и актуальные проблемы с преступностью: сб. докл. и материалов республик. науч.-практ. конф. Казань: Центр инновационных технологий, 2009. С. 34–40.

³ Николаев Е.М. Проблемы реализации права потерпевшего на возмещение имущественного вреда // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2008. № 1. Такая же мысль четко выражена и другими авторами (см., например: Юношев С.В. Международные нормы о возмещении государством вреда, причиненного преступлением // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. научных статей/ под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 2009. Вып. 4. С. 40–51).

⁴ Симоненко С.А. Участие потерпевшего в расследовании преступлений. Владивосток, 2007. С.110–111. Подобная ситуация, когда игнорируются (недооцениваются) права потерпевшего, отмечается и в работе см.: Федотов И.С. Расследование насильственных преступле-

ний, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 7.

⁵ Горский В.В. Тактика участия адвоката — представителя потерпевшего в производстве следственных действий // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: материалы научн.-практ. конф. Воронеж, 2009. С. 57; Коврига З.Ф. Способы защиты деловой репутации и имущественных интересов юридического лица в российском праве // Правовые реформы в современной России: значение, результаты, перспективы: материалы научн.-практ. конф. Воронеж, 2009. С. 80–92.

⁶ См.: Савкина Т.Ф. Особенности проведения судебно-психологической экспертизы по определению морального вреда // Теория и практика судебной экспертизы и криминалистики // Право. 2007. Вып. 7. С. 446–450.

⁷ См.: Эрделевский А.М. Моральный вред и компенсация за страдания: науч.-практ. пособ. М., 1998; Он же. Критерии и метод оценки размера компенсации морального вреда // Государство и право. 1977. № 4. С. 5–12.

*З.В. Макарова**

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАРОДА И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья 3 Конституции Российской Федерации провозглашает: «1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Народовластие как основа конституционного строя РФ является фундаментом демократического и правового государства. Народ — категория политическая в отличие от населения. В основе гражданства лежит принадлежность к народу, а не к населению. Совокупность граждан одного государства образует народ, а население — это жители какого-нибудь места, местности¹, которыми могут быть и не граждане Российской Федерации. Представители народа как граждане государства, реализующие основу конституционного строя — народовластие, должны осуществлять государственно-властные полномочия.

Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ). В части 5 данной статьи особо выделяется право граждан РФ участвовать в отправлении правосудия. Таким образом, народ в лице своих отдельных представителей может

* © Макарова З.В., 2010

Макарова Зинаида Валентиновна — заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса Южно-Уральского государственного университета